

В. В. Попов

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ИНФОРМАЦИОННАЯ ПРИРОДА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В статье рассматривается возможность придания правам человека информации описывающего, фактофиксирующего характера для решения вопросов о естественности прав человека, естественности их происхождения. На основании различения описания и оценок, норм *de re* и *de dicto*, норм-предписаний и норм-описаний типичных процессов делается вывод о допустимости отнесения прав человека к описывающей информации исключительно без возможности смешивания ее с нормами. Обосновывается нецелесообразность отнесения прав человека к описывающей информации в силу невозможности дальнейшей логической связи прав человека с нормами права.

Ключевые слова: права человека, естественное право, нормы *de re*, нормы *de dicto*, нормы описания, нормы предписания, принцип Юма, информационный статус прав человека, естественность прав человека, происхождение прав человека.

V. V. Popov

PROBLEMS OF THE HUMAN RIGHTS THEORY: THE INFORMATIONAL NATURE OF HUMAN RIGHTS

The article focuses on the possibility of instilling human rights with information of describing, facts-establishing character to settle the issues of human rights naturalness, naturalness of their origin. On the basis of difference in description and evaluation, *de re* and *de dicto* standards, prescriptive standards, and standards describing typical processes the author draws a conclusion that it is admissible for human rights to belong to describing information only when there is no possibility to mix it with standards. The article proves that it is not reasonable to associate human rights with describing information due to the impossibility of further logical connection of human rights with standards of law.

Keywords: human rights, natural law, *de re* standards, *de dicto* standards, standards of description, standards of prescription, Hume's principle, informational status of human rights, human rights naturalness, human rights origin.

О правах человека в мировой академической среде говорится достаточно давно, по данной проблематике написано множество научных работ. Для отечественной юридической науки проблема прав человека относительно нова, однако за относительно короткий промежуток времени наша наука проделала грандиозную работу в процессе осмысления относительно новой для нее проблематики. Есть ли в силу этого основания полагать, что в теоретической сфере контуры решения базовых, фундаментальных вопросов концепции прав человека обрисованы, основы теории прав человека в целом ясны и главное теперь — это преодоление сложностей по воплощению данных прав в жизнь, т. е. пришло время заместить основные теоретические проблемы проблемами практическими?

Думается, что это не вполне верный ход мыслей. Даже беглый взгляд на существо этих

практических проблем позволяет увидеть их своеобразную двойственную направленность. С одной стороны, это проблемы недостаточной защищенности прав человека, недостаточной эффективности механизма такой защиты.

С другой стороны, это проблема злоупотреблений при защите прав человека, когда под эгидой защиты прав человека осуществляется деятельность очевидно деструктивная в отношении государственно-правовых явлений. При этом скорость и масштабы разрушения этих явлений могут очень мало зависеть от их действительной социальной ценности.

При этом часто нарушаются не только внутригосударственные, но и нормы международно-правового характера, причем общепризнанные принципы и нормы, что позволяет ставить вопросы не только о незаконности, но и о неправомерности подобной «борьбы» за права человека.

Однако, поскольку прослыть антигуманистом никак нельзя, постольку приходится прибегать к различным уловкам, дабы выдавать черное за белое.

Поскольку делается это посредством одного из самых эффективных видов агрессии — информационной агрессии, постольку есть большой смысл корректировки именно теоретических проблем прав человека.

Одной из таких проблем является проблема естественности прав человека, которая очевидным образом связана с проблемой их происхождения, естественности их происхождения.

У данной проблемы существует множество аспектов, рассмотреть хотя бы тезисно большую часть из них в рамках данной статьи не представляется возможным. В данной связи рассмотрим некоторые предпосылки для изучения лишь одного из таких аспектов. Речь пойдет об информационном статусе прав человека. Важность решения вопроса именно в такой постановке позволит обосновать допустимость или недопустимость утверждения о естественности прав человека на основе специфики их логической выводимости именно как информации. Особенность логической выводимости позволит, пусть достаточно специфически, но все же довольно точно решить вопрос о естественности происхождения прав человека именно в таком ракурсе.

Итак, каков информационный статус прав человека? Думается, что решение подобного вопроса следует вести, опираясь на виды высказываний как на основу решения вопроса о том, к информации каково вида нам следует относить права человека. Подобный методологический подход видится оправданным, поскольку автору не представляется возможным вести исследование подобной информации в рамках ее «внесубъектного» существования в любых аспектах, поскольку это делало бы вообще недопустимым утверждение об *изучении* этой информации.

Что же касается методологии исследования подобной информации в сфере универсально-предметного кода мышления как нейрофизиологического субстрата мышления, изучение которого в рамках психолингвистики еще далеко от завершения, то автору также на

настоящий момент она недоступна.

Именно поэтому, апеллируя к достижениям логико-философских исследований, необходимо отметить, что выделяют три основные функции употребления языка — информативную, экспрессивную и эвокативную. В рамках информативной функции язык используется для формулировки истинных или ложных (с позиции классической концепции истины) суждений (утверждений); при экспрессивной язык используется для выражения состояния сознания говорящего; при эвокативной — для оказания влияния на слушателя, для возбуждения у него определенных мыслей, оценок, стремлений к определенному действию. Каждое языковое выражение может одновременно выполнять все три функции. Различие же между тремя употреблениями языка определяется тем, какая из указанных функций является доминирующей [5, с. 12].

В соответствии с данными функциями языка выделяют и виды суждений. Основой подобного деления признана некая первичная дихотомия описаний и оценок. Признается это как в логико-философской литературе [5], так и в лингвистической [1]. Подобное деление представляется вполне естественным и обоснованным, поскольку отражает реальную субъект-объектную гносеологическую дихотомию, демонстрируя соотношение между реальностью и ее отражением в сознании. Воздействие мира на информацию и информации на мир. На использование подобной дихотомии в юридической сфере указывает, например, Г. С. Иваненко [3].

Указание на тот факт, что в сфере языков неспециализированных (естественных) происходит некое смешение описывающего и оценочного аспектов, когда они «...обычно совмещаются, образуя как бы сращение, «амальгаму» двух структур, которые накладываются друг на друга» [2, с. 393], свидетельствует, на наш взгляд, не столько о сращении видов высказываний, сколько о смешении семантического и прагматического аспектов высказываний.

Вместе с тем в специальной литературе иногда встречается более явное указание на допустимость слияние оценок и описаний вплоть до определенного рода выводимости посредством замещения логического тождества

аксиологическим равенством [6]. Думается, что в подобных случаях речь идет о конструировании «слишком искусственной» связи. Причина в том, что речь идет о смешении дескриптивных высказываний с эпистемическими, а также эпистемических высказываний как таковых с оценкой эпистемических высказываний.

Рассмотрим, к информации какого рода — описательного либо оценочного характера — следует относить права человека.

Если искать естественность прав человека именно в выводимости их как информации, в логической необходимости подобного вывода, то сами эти права следует считать описательными, дескриптивными высказываниями. В этом случае появится реальная возможность назвать данные права естественными, по меньшей мере, в контексте естественности их выводимости.

Однако насколько корректно относить права человека к описательным высказываниям? На первый взгляд, для подобной возможности есть определенные основания. Рассмотрим наиболее очевидное, броское, наглядное основание.

Хорошо известны такие высказывания, как, например, «Право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека» (ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.). Прежде всего, данный аргумент можно было бы отбросить, поскольку в рассматриваемом Пакте речь идет не об описаниях, а именно об определенных предписаниях, природа которых нуждается в самостоятельном рассмотрении. Вместе с тем применяемая юридическая техника здесь не вполне удачна, поскольку может вводить в заблуждение.

Суть проблемы в том, что с точки зрения формы это высказывание построено как описательное, т. е. имеющее стандартную субъектно-предикатную структуру, не включающую в себя какие-либо модальные операторы. Иными словами, высказывание, имеющее такую форму, как, например, «Все лица равны перед судами и трибуналами» (ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.), ничем не отличается (с точки зрения логической природы) от высказывания «В России есть леса, моря и реки». Это описательные высказывания.

Впрочем, формулирование норм (понимаемых как предписывающие суждения) в виде описаний является, к сожалению, довольно

распространенным технико-юридическим подходом — так формулируются и права, и обязанности. Например, именно так сформулированы практически все уголовно-правовые нормы: «Кража... наказывается...», «убийство наказывается...» и т. д. Форма выражения в таких случаях не соответствует нормативному содержанию.

Из этого следует вывод о том, что сама по себе форма высказывания не дает оснований делать однозначный вывод относительно его содержания. Иными словами, если и понимать права человека как информацию дескриптивного, описательного характера, то основанием для этого нельзя считать очевидные, на первый взгляд, особенности их формулирования в некоторых юридических документах. Здесь необходим поиск иных оснований.

Помимо этого необходимо сделать еще две оговорки относительно предписывающего содержания и описательной формы.

Первая оговорка сводится к явлению омонимии в использовании термина «норма», когда нормы понимаются как некие описания.

Существует два различных варианта понимания нормы. В рамках обоих вариантов норма понимается как разновидность информации. В одном случае речь идет о норме как об информации, что-либо описывающей. Но что это за описание? Это описание некоторых закономерностей, среднестатистических величин, наиболее типичных форм протекания того или иного процесса. В этом случае мы можем, например, говорить «Среднемесячная норма выпадения осадков», «Пульс в норме» и т. д. Если речь идет о поведении людей, то посредством понятия «норма» мы можем описывать устоявшуюся практику, общий и типичный образ деятельности. Например, мы иногда говорим: «Это его нормальное поведение», имея в виду, что так он обычно себя ведет».

В другом случае мы говорим о норме как о информации, что-либо предписывающей, т. е. как о разновидности некоторого веления, приказа, требования и т. п. Иными словами, мы понимаем норму как некоторое правило поведения.

Нормы в одном случае (нормы-описания) и нормы в другом случае (нормы-предписания) — это два совершенно различных, самостоятельных явления, два фундаментально различных вида информации.

Конечно, определенная связь с типичностью в данном случае будет иметь место. Если исходить из того, что законодатель не столько формирует, сколько формулирует то, что сложилось, если принимать во внимание особенности именно регулятивной функции права, то именно типичное закрепляется как предписываемое. Но в данном случае мы имеем довольно четкое различие двух вариантов понимания нормы. Вне зависимости от того, *формирует* соответствующий уполномоченный субъект норму права или же лишь *формулирует* его, конечным продуктом будет именно норма-*предписание*. Но как упоминалось ранее, некоторый сумбур ситуации состоит в том, что именно это *предписание* часто выражается в *форме описания*.

Из этой оговорки можно сделать следующий вывод. Для определения того, являются ли права человека по своему информационному статусу описательными высказываниями, отличающимися, например, именно от предписаний, не следует смешивать два варианта понимания термина «норма». Норму в данном случае следует понимать однозначно. Именно как предписание. Даже если она не только выражает типичное, но и сформулирована как описание, поскольку, во-первых, это будет отвечать требованию однозначности именования, а во-вторых, не потребует отказываться от термина «норма» для именования предписаний.

Таким образом, отнесения прав человека к информации описательного характера нельзя основывать ни на отражении ими некой возможной типичности, ни на факте встречающейся особенности формы их выражения.

Не следует забывать еще об одной проблеме соотношения описаний и предписаний. Это смешение нормативных высказываний как таковых и описаний данных высказываний.

Специалистами в области логико-философских исследований было замечено, что в силу особенной человеческого мышления и языка существуют высказывания *de re* и высказывания *de dicto*. В первом случае (*de re*) — это высказывания о вещах, о мире внелингвистического опыта, что в «чистом», изначально виде выражает соотношение объекта и субъекта (познания). Во втором случае (*de dicto*) — это высказывания о высказываниях, т. е.

мысль о мысли. Нормативные высказывания не являются в данном случае исключением.

Существуют нормы (нормативные высказывания) *de re* и так называемые нормы *de dicto*. Нормы *de re* — это нормы как таковые. Информация предписывающего характера. Например, «курить запрещено».

Нормы *de dicto* — это описательные (дескриптивные) высказывания, это описания норм *de re*. Иными словами, это высказывания относительно норм. Например, «известно, что курить запрещено». Нормы *de dicto* — это указание на нормы *de re* в форме описания последних, т. е. дескрипция (описание) прескрипции (предписания). Строго говоря, нормы *de dicto* — это не нормы (если понимать нормы как предписания).

Впрочем, это не умаляет роли норм *de dicto*, поскольку деонтическая логика (логика норм, стандартная логика Sein-Sollen класса S 4) — это не логика норм *de re*, а логика норм *de dicto*. Она занимается образованием и соединением нормативных предложений или, иначе говоря, структурой прескриптивного языка (логическая теория нормативного рассуждения) [4, с. 5].

Однако это логика преобразования и выводимости дескриптивных высказываний именно *относительно норм de re*.

Насколько допустимо относить права человека к неким нормам, но понимаемым как нормы *de dicto*, т. е. наделить права человека статусом информации описательного характера именно таким образом?

Выигрышность такого подхода позволила бы, с одной стороны, получить возможность называть права человека естественными на основании в естественности (необходимости) их логической выводимости, а с другой стороны, найти в правах человека некий «след нормативности», относить их пусть к специфически понимаемым, но все же нормам. В данном случае вполне можно согласиться с Е. А. Лукашевой в том, что «права человека являются нормативной формой взаимодействия людей [7, с. 12].

Однако данная выигрышность мнимая, поскольку это не решит изначально поставленной проблемы.

Причина в том, что если мы еще на стадии определения природы права человека происхождения будем считать их нормами *de dicto*, то есть риск сделать наше исследование информационной природы прав человека

беспредметным. Причина в следующем.

Как отмечалось ранее, любые нормы *de dicto* — это действительно некие описания. Но это описание именно *норм de re*. Иными словами, первым должен появиться предмет описания, а затем уже его отражение — собственно описание. В нашем случае таким первичным предметом были бы нормы *de re* (*предписания*). Но такой подход был бы в данной ситуации ошибочен. Наличие каких-либо норм *de re* как первичных феноменов нами еще не обосновано.

При этом искомый феномен должен быть действительно первичным хотя бы в семантическом аспекте, т. е. первичным по отношению к своему описанию. Именно при таком подходе речь можно было бы вести об *описании* неких первичных феноменов, понимаемых как нечто естественное — природа человека, природа отношений и т. п. В случае описания неких феноменов, понимаемых как нечто естественное — природа человека, природа отношений и т. п., мы еще могли бы пытаться вести речь об их некой первичности и естественности описания данной первичности.

Соответственно, описание данных феноменов не может быть нормой *de dicto*. Иными словами, в данном контексте права человека нельзя понимать как нормы *de dicto* в попытке найти логические основания происхождения прав человека как первичной информации описывающего характера.

Таким образом, изменение норм *de re* на нормы *de dicto* не позволяет придать правам человека статус описывающей информации в попытке найти логические основания происхождения прав человека как первичной информации в цепи феноменов *нормативного* (в смысле предписывающего) характера.

Итак, нельзя придавать правам человека характер первичной описательной информацией ни в силу встречающейся особенности формы их выражения, ни в силу того, что есть определенная возможность относить их к несколько необычно понимаемым нормам — как отражениям ими некой возможной типичности либо к нормам *de dicto*.

Однако можно попытаться придать им статус информации описательного характера в качестве

некоего допущения. Но в этом случае мы будем вести речь уже об условности, конвенциональности. В таком случае и отражаемая в такой информации реальность будет также первичной, естественной лишь условно. Строго говоря, мы сможем вести речь лишь об искусственной, но не естественной первичности.

Однако в случае с таким подходом мы должны четко усмотреть целесообразность подобной условности.

Целесообразность такого допущения, как отнесение прав человека к информации описательного характера, описательным суждениям, можно увидеть в том, что, признав за отправную точку некое положение вещей («природу вещей»), можно в рамках семантического аспекта связи между суждением и объектом, им описываемым, установить истинность описывающего суждения.

Прежде всего проблемой является описание через строгую формализацию той изначально найденной «природы» (человека, отношений и пр.). Если же принять как допущение то, что описание подобной природы существует, то уже из таких первичных суждений можно вывести вторую группу суждений. Конечно, это будет искусственная связь, даже если она выражена в так называемых естественных языках. Однако, если из первичных суждений вывести некие вторичные суждения, то это будет использование схемы более простой, без внелингвистической эмпирики, т. е. схемы с необходимостью логической, то речь будет идти о логической необходимости истинности (вторичного) суждения. В этом смысле вторую группу суждений действительно можно будет считать естественно выведенными, понимая под естественностью логическую необходимость ее выведения. Возможно, что взору многих естественность в подобном аспекте покажется не самой ожидаемой и «эстетичной», но это вполне «доброкачественный» аспект естественности.

Итак, примем допущение, что права человека — это относительно точно сформулированные суждения, описывающие некое естество (природу человека, вещей, отношений и т. п.).

Насколько этот подход к естественности является выигрышным, целесообразным в других

отношениях? Весьма важным в данном случае представляется рассмотрение связи прав человека, понимаемых как суждения описывающего характера с суждениями нормативного характера. О нормативных суждениях вести речь в данном случае исключительно важно, поскольку это связь прав человека с правом объективным. Говорить о правах человека вне связи с объективным правом нельзя как в силу самой изначальной идеи о правах человека, так и в силу особенностей сложившейся внутригосударственной и международной юридической деятельности. При этом, независимо от того, в рамках какой модели правопонимания мы рассуждаем об объективном праве, мы так или иначе предполагаем, что неотъемлемым элементом объективного права являются именно нормы права, т. е. нормативные суждения *de re* по своему информационному статусу.

Итак, если говорить о правах человека как о суждениях описывающего характера, связь прав человека с нормативными суждениями *de re*, с нормами права весьма проблематична. Причем, речь идет о проблеме фундаментального характера. Суть данной проблемы выражается в том, что две такие диаметрально противоположные функции высказываний, как описание и оценка (в любой ее разновидности, в т. ч. в предписании), являются диаметрально противоположными. В случае описания речь идет о том, чтобы, упрощенно говоря, информация соответствовала миру. В случае оценки речь идет о том, чтобы мир соответствовал информации.

Именно поэтому на настоящий момент не существует логически обоснованного вывода, который вел бы от посылок, включающих только описательные утверждения, к заключению, являющемуся оценкой (нормой).

Данная невозможность была закреплена в логико-философских исследованиях как принципиальное положение и получила наименование «принцип Юма». Именно с именем шотландского ученого 16 в. Дэвида Юма связывают первое обоснование грубой ошибки этических учений, полагающих, что из описания того, что имеет место, можно вывести какие-то утверждения о моральном долге.

Можно сказать, что эту же мысль подтвердил

Иммануил Кант, говоря о выводимости категорического императива. Даже используя «теологический крен» (апелляция к бессмертию души и существованию Бога), он указал на принципиальные ограничения теоретического разума как доказательство невозможности логического выведения морального долженствования (категорического императива) из иных суждений о мире.

Анри Пуанкаре похожим способом показывал ограничения научного обоснования морали, отмечая, что все научные предложения стоят в индикативном наклонении. Из индикативных предложений с помощью логического вывода могут быть получены только такие же индикативные предложения.

Таким образом, от утверждений со связкой «есть» (описательные утверждения) к утверждениям со связкой «должен» перейти логически невозможно. Более того, в современной логике доказана и невозможность обратного перехода.

Именно подобная невозможность и разрывает очень важную связь между правами человека и правом объективным в том случае, если мы попытаемся придать правам человека статус информации описывающего характера. В силу данного обстоятельства придавать правам человека подобный статус неконструктивно, нецелесообразно.

Список библиографических ссылок

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд. доп. М., 2002.
3. Иваненко Г. С. Лингвистическая экспертиза в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации. Челябинск, 2006.
4. Ивин А. А. Логика норм. М., 1973.
5. Ивин А. А. Основания логики оценок. М., 1970.
6. Лобовиков В. О. Научная экспертиза логической формы доказательств в судопроизводстве или логическая подготовка юристов? // Вестн. Гуманит. ун-та. Сер.: Право. 1996. № 1(1).
7. Права человека: учебник для вузов / отв. ред. Е. А. Лукашева. М.: Норма, 2001.

© Попов В. В., 2014